

Не отступить от правой веры

Материалы исповеднического подвига
преподобного Максима Исповедника

Не отступить от правой веры

Материалы
исповеднического подвига
прп. Максима Исповедника

Узкий путь

*Христос Господь назвал Кафолическою
Церковью ту, которая содержит
истинное и спасительное
исповедание веры*

Преподобный Максим Исповедник

Не отступить от правой веры

Материалы исповеднического подвига прп. Максима Исповедника. М.: Узкий путь, 2010. – 60 с.

Издание включает документы, свидетельствующие об исповедническом подвиге одного из величайших отцов православной Церкви – прп. Максима Исповедника. Находясь в противостоянии с еретической церковной иерархией своего времени, прп. Максим словом и всей своей жизнью отстаивал чистоту православного вероучения, в следствие чего вынужден был разорвать церковное общение фактически со всеми патриархатами и оказался со своими немногими учениками в изоляции. Однако время показало правоту позиции прп. Максима и после его кончины истина, отстаиваемая им, восторжествовала.

*Просим молитв о здравии
рабов Божиих Олега и Владимира со сродниками*

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей	4
Изложение прения, бывшего в секретном помещении дворца между господином аввой Максимом и бывшими с ним с одной стороны, и начальниками – с другой	11
Диспут в Визии. (Том, содержащий сообщение о догматах, бывших предметом спора между святым Максимом и Феодосием, епископом Кесарии Вифинской, и консулами, которые были с ним).....	28
Того же, иже во святых, аввы Максима к монаху Анастасию, его ученику.....	57

В очередное издание серии «Узкий путь» вошли избранные житийные материалы одного из величайших учителей Церкви святого Максима Исповедника (580–663 гг.), документальные свидетельства о его исповедническом подвиге.

Преподобному Максиму выпало отстаивать истину православия в одну из самых трагических для древнего христианства эпох, когда историческая, «воинствующая» и «странствующая», Церковь, казалось бы, потерпела полное поражение. Атакована она была в очередной раз «изнутри», посредством ереси. На этот раз это была ересь монофелитства – искусственно созданное «придворными» архиереями учение, целью которого было достижение церковно-политического единства в империи путем на первый взгляд не приметного, чисто формального в глазах теплостроительного большинства компромисса с огромной по числу последователей ересью монофизитства.

Но в глазах верного божественной истине святого Максима этот вымощенный благими намерениями союз с еретиками выглядел изменой православию, искажением в самой христианской вере, по сути, отречением от Христа. В одном из ответов своим гонителям, упрекавшим его в фанатичном, как им казалось, упорстве, цена которого – вожаемое для них гражданское согласие, мир и благополучие, преподобный Максим кратко сформулировал основную задачу, которая стоит перед каждым христианином, в какую бы историческую эпоху он не жил, и в зависимости от решения которой находится его вечная жизнь: «Я думаю не о единении или разделении римлян и греков, а о том, чтобы мне не отступить от правой веры» (Изложение прения 7).

Преподобный Максим Исповедник не был политическим диссидентом, его нельзя упрекнуть в безразличии к

судьбе Византийской империи, в которой он жил, и к благополучию народа, к которому принадлежал. Но он, по заповеди Спасителя «ищите прежде всего Царства Небесного», не мог ради каких бы то ни было, даже самых благородных и возвышенных, но все-таки земных преходящих благ поступаться благом вечным, жертвовать божественным даром истинной веры. В противостоянии еретичествующей иерархии и поддерживающей ее императорской власти, прп. Максим не только словом, но и делом явил неизменное, данное Самим Христом, утвержденное апостолами и выраженное святыми отцами православное учение о Церкви: что она есть, на каком основании она создается в земной истории, по каким признакам ее можно отличить от подделок.

Актуальность этого свидетельства прп. Максима возростала с каждой церковной эпохой, и не будет преувеличением сказать, что в настоящее время это свидетельство стало своего рода заветом великого Исповедника, хранителем которого должен быть каждый желающий сохранить верность Богу христианин.

В самом конце жизни прп. Максима был период, когда фактически весь епископат всех патриархатов, включая Римский, наиболее независимый в то время и сопротивлявшийся распространению монофелитства до последнего, вступил в общение с еретиками и отпал тем самым от православия. Зримую Церковь в Византийской империи представляли тогда только сам святой Максим и два его святых ученика, два Анастасия, пресвитер и монах. Церковь символически сжалась в тот момент до размера, соответствующего буквальному значению Христовых слов: «Где двое или трое соберутся во имя Мое, там Я посреди них». «Вчера, в восемнадцатый день месяца, который был Преполовением Святой Пятидесятницы, – пишет прп. Максим одному из двоих своих верных учеников, – патриарх объявил мне,

говоря: «Какой Церкви ты? Византийской, Римской, Антиохийской, Александрийской, Иерусалимской? Вот, все они с подвластными им епархиями объединились между собой. Итак, если ты, как говоришь, принадлежишь к Кафолической Церкви, то соединишь, чтобы, вводя в жизнь новый и странный путь, не подвергся тому, чего не ожидаешь». Я сказал им: «Бог всяческих объявил Кафолической Церкви правое и спасительное исповедание веры в Него, назвав блаженным Петра за то, что Он исповедал Его (Мф. 16:18). Впрочем, я хочу узнать условие, на котором состоялось единение всех Церквей, и если это сделано хорошо, я не стану отчуждаться»» (Письмо монаху Анастасию).

В этом диалоге патриарха-еретика и не имевшего даже священнического сана монаха-исповедника кратко выражены два различных понимания Церкви, две модели ее устройства, два противоположных толкования данного ей обетования ее Божественного Главы: *«На сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»* (Мф. 16:18).

Первое понимание стало нормативным в католицизме, хотя к нему склоняется сейчас, пусть и с некоторыми оговорками, и большинство из тех, которые именуют себя православными. Обетование быть «камнем» (Мф. 16:18), на котором в истории создается Церковь, дано, согласно этому пониманию, непосредственно и лично Петру и его преемникам – римским епископам (или административной структуре поместных Церквей, согласно «православной» версии). Выходит, что историческая Церковь Христова получает постоянную земную прописку по одному и тому же определенному адресу, привязывается к конкретным земным координатам – к римской кафедре (или к официально признанным первым кафедрам поместных Церквей, согласно «православной» версии). С этим земным адресом якобы и связал Себя неразрывно Христос: «Где римский папа (кол-

лективный “иерархический папа”, согласно “православной” версии), там и Я буду до скончания века; где римский папа (или “коллективный папа”), там и будет пребывать Моя истина».

В рамках этого понимания Церковь есть, прежде всего, всемирная земная организация, единая административная структура, а все прочее – безошибочное вероучение, действенные таинства, само спасение – обязательно должно приложиться ей, согласно обетованию Христа. С этих позиций смотрели на Церковь гонители прп. Максима.

Но сам святой Исповедник смотрел на Церковь под противоположным углом зрения: «Бог всяческих объявил Кафолической Церковью правое и спасительное исповедание веры в Него, назвав блаженным Петра за то, что Он исповедал Его» (Мф. 16:18). Преемником Петра и, соответственно, «камнем», на котором историческая Церковь строится, согласно этому, действительно православному пониманию, становится всякий истинно верующий во Христа и право исповедующий Его. Связь между правой верой, собственно православием, и земной церковной организацией, возглавляемой епископами, имеющими апостольское преемство, здесь обратная: тем, которые во что бы то ни стало сохраняют неизменную истину веры, открытую Самим Отцом Небесным, дана будет, по обетованию Спасителя, церковная иерархия, дарованы будут действенные таинства, будет в полноте подаваться спасающая благодать Пресвятого Духа.

Отсюда следует и православное понимание соборности. Соборность (кафоличность) – это не количественная (большинство именующихся православными в эпоху прп. Максима, как и во многие другие эпохи, как раз заблуждалось) или административно-иерархическая (весь епископат тогда пал в ересь) категория, а причастность нераздельной боже-

ственной истине, в целости пребывающей там, где она хранится и возвещается.

Отсюда же следует и православное понимание церковных соборов – не как автоматически безошибочно действующих инструментов в руках священноначалия, – а как одного из органов неизменного благодатного свидетельства, когда православные епископы, собранные от разных концов земли, свидетельствуют не о сиюминутном единстве друг с другом в отстаивании преходящих корпоративных интересов, но о своем вечном единстве с Самим Христом, апостолами и святыми отцами, единстве в неизменной раз и навсегда данной вере. «Те соборы благочестивый канон Церкви признает святыми и принятыми, которые одобрила правота догматов», – говорит прп. Максим (Диспут в Визии 4).

И еще одну архиважную для нашего времени истину о Церкви запечатлел прп. Максим своим исповедническим подвигом. Вера Христова и ее исповедание – дарование Божие всем верным, всей Церкви, она не может быть частным делом частных лиц или отдельных каст в церковной организации. Хранителями веры и блюстителями ее неискаженного исповедания являются не только церковные иерархи, но и весь церковный народ. И каждый христианин ответствен не только за сохранение чистоты веры в своей собственной душе («верю в душе» – очень двусмысленное с православной точки зрения выражение), но и за то, какого качества «правило веры» содержится и преподается в общине (приходе, епархии, поместной Церкви), к которой он принадлежит, какое «правило веры» исповедуют те, с кем он пребывает в молитвенном и евхаристическом общении.

Как спасительные плоды веры, единожды переданной святым, христианин усваивает через Церковь, через участие в ее молитве и таинствах, так и отравление ядом ереси происходит не только через собственное активное исповедание

и отстаивание ее, но и через пассивное соучастие в ней – через молитвенное и евхаристическое общение с еретиками. «Поэтому будем всеми силами остерегаться, – пишет другой великий учитель Церкви, последователь прп. Максима в следующем, VIII столетии прп. Иоанн Дамаскин, – чтобы не принимать причастие от еретиков, ни давать им. Ибо “не давайте святыни псам”, говорит Господь, “и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями” (Мф. 7:6), чтобы нам не сделаться участниками зловерия и осуждения их. Ибо, если оно [таинство Евхаристии. – *Ред.*], несомненно, есть соединение со Христом и друг с другом, то мы обязательно свободным выбором соединяемся и со всеми теми, кто вместе с нами причащается. Ибо соединение это происходит добровольно, не без нашего намерения. Ибо все “одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба” (1 Кор. 10:17), как говорит божественный апостол».

Церковное единство возможно только в истине, в православии. Вне истины, при безразличии к ней, на основе каких-либо вероучительных компромиссов, при игнорировании или замалчивании правых догматов не может быть церковного единства, а только временное единство мира сего. Ищущий последнего в ущерб вечной истине, разрывает свое единство с апостолами и святыми отцами, с Самим Христом, отпадает от единства Церкви.

Всякая ересь подлежит анафеме, отлучению от Церкви, провозгласил II Вселенский Собор в своем 1-м каноническом правиле. Тот же, кто вступает в религиозное общение (в молитве, богослужении, таинствах) с еретиками и сам подпадает под эту анафему. Установление Святого Духа не может быть отменено человеческим произволом, сколько бы он ни прикрывался хоть высокими иерархическими званиями, хоть мнением большинства голосов. Когда сторонники основанного на компромиссе в вере единства в оче-

редной раз пытались, ссылаясь на авторитет иерархии и на авторитет большинства, склонить прп. Максима на свою сторону и вынудить его вступить в евхаристическое общение с ними, он оставался непреклонен. «И говорят они: «А если все-таки соединятся со здешними римляне, что сделаешь?» Святой ответил: «Дух Святой анафематствовал чрез апостола (Гал. 1:8) даже ангелов, вводящих что-либо новое и чуждое проповеди [евангельской и апостольской]»» (Изложение прения 7).

Земную жизнь прп. Максим закончил изгнанником, потерпев, казалось бы, поражение со стороны своих гонителей-еретиков. Но его исповедническая смерть, будучи образом смерти Христа – Победителя смерти, стала залогом скорой победы православия в Византии: состоявшийся менее чем через два десятилетия после кончины святого VI Вселенский собор явил торжество исповедуемого прп. Максимом учения, привел к восстановлению земной канонической Церкви через восстановление в ней неповрежденной Христовой веры. В очередной раз была подтверждена истинность древнехристианского афоризма: «Кровь мучеников – семя Церкви». Временное, в мире сем поражение Исповедника оказалось только ступенью к его последней победе – к прославлению в Царстве Бога Всевышнего, в торжествующей небесной Церкви святых.

**ИЗЛОЖЕНИЕ ПРЕНИЯ,
БЫВШЕГО В СЕКРЕТНОМ ПОМЕЩЕНИИ ДВОРЦА
МЕЖДУ ГОСПОДИНОМ АВВОЙ МАКСИМОМ И
БЫВШИМИ С НИМ¹, С ОДНОЙ СТОРОНЫ,
И НАЧАЛЬНИКАМИ – С ДРУГОЙ**

1. В тот день, когда причалили в этом царственном городе святой Максим и его ученики, около солнечного захода явились два мандатора² с десятью эскувиторами³, взяли их с корабля не одетыми и необутыми, и, разделив друг от друга, стерегли их в разных помещениях. И вот, спустя несколько дней их берут во дворец и вводят блаженного Максима в помещение, где собрался сенат и другие люди в большом числе. И поставляют их перед начальниками восседавшими. Сакелларий говорит ему с великим гневом и яростью: «Христианин ли ты?»

Святой отвечает: «Благодатью Христа, Бога всяческих, я христианин».

Говорит сакелларий: «Это неправда!»

Ответил раб Христов: «Ты говоришь, что я не христианин, но Бог говорит, что я есмь и остаюсь христианин».

Сакелларий: «Но если ты – христианин, то зачем, – говорит, – ты ненавидишь царя?»

«Но откуда это известно?» – отвечал блаженный, – «ведь ненависть есть скрытое расположение души, равно как и любовь».

И сказал Сакелларий: «Из того, что ты сделал, всем стало ясно, что ненавидишь царя и его управление, – ведь один ты предал сарацинам Египет, Александрию, Пентаполь, Триполь и Африку».

¹ Т. е. учениками.

² Мандаторы – послы с царскими приказами.

³ Эскувиторы – гвардейцы, учрежденные императором Львом I.

Святой: «Но какое этому доказательство?»

И представляют тотчас же Иоанна, который был сакелларием Петра, бывшего претора Нумидии Африканской; он сказал, что «двадцать два года тому назад дед царя⁴ приказал блаженному Петру взять войско и идти в Египет против сарацин, причем тебе написал, обращаясь как к рабу Божию, имея уверенность в тебе как в святом человеке, чтобы посоветовал ему идти [в поход], а ты написал ему, чтобы он ничего этого не делал, так как Богу не благоугодно содействовать Римскому государству при царствовании Ираклия и его рода»⁵.

Говорит раб Божий: «Если правду говоришь, то наверно имеешь как письмо Петра ко мне, так и мое к нему. Пусть представят [эти письма], и я подвергнусь определенному в законе наказанию».

И говорит тот: «Я не имею письма, да и не знаю, писал ли вообще тебе он, но в лагере все говорили в то время об этом».

Говорит ему раб Божий: «Если весь лагерь разговаривал об этом, почему же ты один показываешь это на меня? Видел ты меня когда-либо или я тебя?»

Он же говорит: «Никогда».

Тогда, обратившись к сенату, святой говорит: «Если справедливо представлять таких обвинителей или свидетелей, то судите, ибо каким судом судите, будете судимы, и какою мерою мерите, будут мерить вам, говорит Бог всяческих».

2. После этого [свидетеля] приводят Сергия [Георгия] Магуду, который говорит: «Девять лет тому назад блаженный авва Фома, придя из Рима, говорил мне, что папа Феодор

⁴ Император Ираклий (610–641).

⁵ Относится к событиям 633 г.

посылал его к [мятежному] патрицию Григорию сказать ему, чтобы он не боялся никого, ибо раб Божий авва Максим видел такой сон: в небесах на востоке и на западе было множество ангелов, причем восточные зывали: “Константин Август, ты побеждаешь!”, а западные вопияли: “Григорий Август, ты побеждаешь!”, и голос западных пересилил голос восточных».

При этих словах сакелларий кричит: «Послал тебя Бог, авва, на сожжение в город этот».

И сказал Божий раб: «Благодарю Бога, очищающего меня от вольных грехов посредством невольного наказания. Но горе миру от соблазнов, ибо необходимо придти соблазнам, – горе же [тому], чрез кого соблазн приходит. Действительно, не подобало говорить таких слов в присутствии христиан, ни оставлять безнаказанными выдумывающих это из-за того, чтобы угодить людям тленным, сегодня сущим, а завтра не сущим. Ведь это ему надлежало сказать, конечно, при жизни Григория и показать царю свое благорасположение к нему. И справедливость требует, с чем согласитесь и вы, чтобы прежде сего обвинитель обязан был представить патриция Петра, этот же со своей стороны – авву Фому, а тот – блаженного папу Феодора. И тогда в присутствии всех я стал бы говорить патрицию Петру: скажи, господин патриций! Писал ты мне когда-нибудь, о чем сказал сакелларий, или я тебе? И когда бы он дал утвердительный ответ, я подвергся бы наказанию. Подобным же образом и блаженному папе: скажи, владыка, я тебе когда-либо рассказывал сон? И если бы обличил меня, то он подлежал бы обвинению, а не я, видевший [такой сон], ибо произвольное дело – сон, а закон наказует только произвольные, когда ему противятся».

Когда это сказал святой, говорит ему Троил: «Шутишь, авва! Не знаешь, где ты находишься!»

Святой сказал: «Не шучу, но оплакиваю жизнь мою, сохранившуюся доныне, чтобы испытать такие выдумки».

Говорит Епифаний патриций: «Видит Бог – он хорошо делает, шутя над этим, если это неистинно».

После сего сакелларий опять с гневом сказал: «Все вообще лгут, а ты один говоришь правду?»

При этих словах святой заплакал и сказал в ответ: «Вы власть имеете, по попущению Божию, и оставить мне жизнь и умертвить, но если эти [свидетели] говорят правду, то и сатана есть Бог по природе, если же он несомненно не таков, то и эти не сказали правды. И пусть я не удостоюсь вместе с христианами узреть явление пресущного Бога, Творца и Зиждителя и Создателя и Промыслителя и Судью и Спасителя всяческих, если я когда-нибудь рассказывал о таком сне или слышал рассказ от другого, кроме сейчас только [слышанного рассказа] от господина Сергия, [этого] благожелателя Империи».

3. Потом приводят третьего обвинителя, Феодора, сына Иоаннова, бывшего кандидатом⁶, по прозванию Хила, теперешнего зятя господина Платона, патриция, – он говорит, что «тогда между нами происходила беседа о царе, он глумился над тем, что говорилось (о царе), допуская издевательства и насмешки».

Сказал святой ему: «Никогда, брат, я не разговаривал с тобой; только однажды с преподобнейшим пресвитером господином Феохаристом, братом экзарха, из-за примикирия⁷, быв на это вызван письмом о нем, и если окажусь лжецом, готов нести наказание».

⁶ Кандидат – младший офицер или чиновник невысокого ранга.

⁷ Примикирий – глава департамента (канцелярии).

4. И после сего вводят Григория сына Фотинова, который говорит, что: «Пришел я в келью аввы Максима в Риме, и на мои слова, что царь есть и священник, авва Анастасий, ученик его, сказал: не достоин быть священником».

Тотчас говорит ему святой: «Побойся Бога, господин Григорий: ведь ничего совершенно в той беседе об этом не говорил тебе сораб мой».

И, повергшись на землю, говорит сенату:

«Имейте терпение к рабу вашему, я скажу все, как было говорено, и пусть обличит меня, если буду лгать. Господин мой, этот Григорий, придя в Рим, удостоил войти в келью раба вашего. Увидав его, я, как это обычно мне, повергся на землю, поклонился, облобызал его и, после того как мы сели, сказал: какая причина желанного пришествия господина моего? Он ответил: добрый и богохранимый наш владыка в заботе о мире святых Божиих Церквей дал повеление богочестному папе, послав приношение святому Петру, склоняя его к единению с предстоятелем Константинополя, что его благочестивое державство удостоило послать через мое смиренство.

И я сказал: слава Богу, соделавшему тебя достойным такого служения. Однако же, при каком условии его Боголюбезная тихость приказала быть единению, если конечно знаешь? И ты сказал: под условием [принятия] *Типоса*. А я ответил: это, как полагаю, не может состояться, ибо римляне не допустят, чтобы вместе [в соединении] с изречениями нечестивых еретиков уничтожились светоносные изречения святых отцов, или чтобы вместе с ложью погашена была истина, или с тьмою стал в общение свет, ведь у нас тогда ничего не будет достопоклоняемого, если совершится уничтожение богонаученных словес. И ты сказал: не уничтожает священные изречения *Типос*, но замалчивает, чтобы нам устроить мир. А я ответил: один и то

же есть в Божественном писании – умолчание и уничтожение, ибо Бог сказал через Давида: «не суть речи, ни слова, коих звуки не слышатся» (Пс 18:4). Итак, если не изрекаются и не слышатся, то и совсем не существуют, по Писанию. И сказал ты: не заводи меня в лес, я ведь довольствуюсь святым символом. Но как можешь довольствоваться, сказал я, принимая *Типос*? А что препятствует принимать *Типос*, спросил ты, и говорит символ? Я ответил, что *Типос* явно уничтожает символ. Ты сказал: ради Господа, каким образом? Произнесем, сказал я, символ, и ты узнаешь, каким образом он уничтожается *Типосом*.

И ты начал говорить: Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, и видимого всего и невидимого... Подожди, сказал я, немного, и узнай, каким образом [в *Типосе*] уничтожается вера никейцев. Ведь Бог не был бы Творцом, будучи лишен природного воления и действия, если конечно по воле, а не по принуждению, сотворил небо и землю, как истинно говорит в Духе Давид: “Господь творит все, что хочет, на небесах и на земле, на морях и во всех безднах” (Пс. 134:6). Если же ради устройства [мира] вместе с зловерием уничтожается спасительная вера, то такого рода так называемое устройство [мира] есть совершенное отделение от Бога, а не единение. Ведь завтра и гнусные иудеи скажут: устроим мир друг с другом и объединимся, мы уничтожим обрезание, а вы крещение, и уже не станем враждовать между собою. Это ариане некогда предлагали письменно при Великом Константине, говоря: уничтожим выражения “единосущие” и “иносущие”, и объединяться между собой церкви. Но не приняли богоносные отцы наши; напротив, предпочли подвергаться преследованиям и смерти, чем замолчать выражение, представляющее единое Отца и Сына и Святого Духа пресущное Божество, и это [при том, что] великий Константин согласился с

теми, которые предложили это, как повествуется многими, трудолюбиво описавшими тогдашние события. И никто из царей не был в силах средними [обоюдными] речениями убедить богоносных соединиться с бывшими при них еретиками, но они воспользовались ясными, точными и соответствующими [каждому] обсуждавшемуся догмату словами, ясно высказав, что дело священников – делать исследования и определения относительно спасительных догматов католической Церкви, а не царей.

И ты сказал: что же? Разве всякий царь христианин не есть и священник? Я ответил: не есть, ибо не предстоит алтарю ни после освящения Хлеба не возносит его со словами “святая святым”, не крестит, таинство мвра не совершает, не рукополагает и не поставляет епископов, пресвитеров и диаконов, не помазует храмы, не носит знаков священства – омофор и Евангелие, как знаками царства служат корона и порфира. И ты сказал: как же Писание называет Мелхиседека царем и священником (Пс. 109:4; Евр. 5:6)? Я ответил: Единого по природе Царя, Бога всяческих, ставшего ради нашего спасения первосвященником, один был прообраз – Мелхиседек; если же по чину Мелхиседека другого назовешь и священником, то дерзни сказать и прочее, именно: “без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни” (Евр. 7:3), и смотри, какое из этого возникает зло: ведь таковой окажется другим Богом воплотившимся, священнодействующим наше спасение по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона.

Впрочем, зачем нам входить в длинные рассуждения? В Святом Возношении [Евхаристии] на святой Трапезе, после архиереев, диаконов и всего священнического чина вместе с мирянами упоминаются цари, когда диакон говорит: “и в вере почивших мирян, Константина, Константа и прочих”; также и живых поминает царей после всех посвященных».

При этих словах его Мина кричит: «Говоря это, ты разделил Церковь!»

Говорит ему [святой Максим]: «Если говорящий слова святых Писаний и святых отцов разделяет Церковь, то что делающим с Церковью окажется тот, кто уничтожает догматы святых, без которых невозможно даже самое бытие Церкви?»

И обратившись, сакелларий говорит людям экзарха с криком: «Скажите экзарху: неужели ты оставишь в живых такого человека, когда имеешь власть!»

5. И изведши блаженного Максима вон, вводят ученика его, требуя, чтобы он оговорил учителя в том, что он [Максим] оскорбил Пирра. Но он тихим голосом в ответ сказал правду, что никто так не почтил Пирра, как почтил наставник мой. Тогда они приказывают ему кричать. Но так как он не дозволил себе отступить от подобающего монахам благоговейного голоса, то дали предстоящим повеление бить его. Они же, подвергая его кулачным ударам, довели до полумертвого состояния.

Потом, по отпущении их в тюрьму, быстро подходит Мина к преподобному старцу и говорит ему в присутствии начальников: «Вверг тебя Бог и привел тебя сюда, чтобы ты восприял [в качестве возмездия] то, что ты сделал другим, введши всех в ложь догматов Оригена». Святой же в ответ сказал ему пред всеми: «Анафема Оригену и догматам его и всякому единомышленнику его».

Тогда говорит патриций Епифаний: «Устранено, кир авва Мина, предъявляемое тобою против него обвинение, ибо если бы и был он оригенистом, то как скоро анафематствовал [это лжеучение, тем самым] освободил себя от такого обвинения. И я уже принимаю это, как нечто такое, чего не говорилось о нем». И отведен был каждый из них в то место, в коем находился под стражею.

6. В тот же день Троил патриций и Сергей Евкратас, блюститель царского стола, явились к рабу Божию, и сев, приказали и ему сесть, и сказали ему: «Расскажи нам, кир авва, беседу между тобою и Пирром, бывшую в Африке и Риме, о догматах, и какими его убедил ты основаниями анафематствовать его собственный догмат [о единоволлии во Христе] и согласиться с твоим?»

Преподобный же изложил им все по порядку, что память сохраняла, присоединив и то, что «я собственного догмата не имею, но общий Церкви Кафолической, ибо не употребил какого либо нового слова, чтобы можно было говорить о собственном моем догмате».

Потом, после всего сообщения говорят ему: «Не имеешь общения с престолом Константинопольским?»

Он же сказал: «Не имею общения».

«По какой причине не имеешь общения?» – говорят ему.

И ответил: «Они отвергли четыре святых собора чрез девять составленных в Александрии *Глав*, и чрез *Экфесис*, составленный Сергием⁸ в этом городе [Константинополе], и чрез изложенный затем в шестом индиктионе⁹ *Типос*, и так как что определили в *Главах*, то осудили в *Экфесисе*, а что определили в *Экфесисе* то упразднили в *Типосе*, и уничтожили самих себя столько раз. Осужденные таким образом сами собою и римлянами на бывшем в восьмом индиктионе соборе¹⁰, низложенные и священства лишённые, какое могут совершать священноводство, или какой Дух может сходить на священнодействия, совершаемы такими [людьми]?»

И говорят ему: «Так что же? Один ты спасешься, а все погибнут?»

⁸ В 638 г.

⁹ В 647–648 г.

¹⁰ Т. е. Латеранском, в 649 г.

И сказал: «Никого не обвинили три отрока, не поклонившиеся истукану, когда все поклонились, ибо они заботились не о делах других [людей], но о том, чтобы самим не отпасть от истины. Так и Даниил, вверженный в ров со львами, не осуждал никого из тех, кои не поклонились Богу по указу Дария, но позаботился о себе самом и предпочел умереть, а не отпасть от Бога и подвергнуться бичеванию своей совести за преступление божественных законов. И мне не дай Бог осудить кого-либо, что я один спасусь, но сколько могу, предпочту умереть, чем страх иметь пред совестью за то, что каким-либо образом преступил веру в Бога».

7. Говорят ему они: «И что ты можешь сделать, если римляне вступают в единение с византийцами, ибо вот вчера пришли апокрисиарии римские¹¹ и завтра, в воскресенье, будут в общении [за литургией и Евхаристией] с патриархом, – и всем становится ясно, что ты совращал римлян, почему и с удалением тебя оттуда они согласились со здешними».

И сказал святой: «Пришедшие хотя и вступят в общение, ничего предосудительного для римского престола не соделают, если не принесли послания к патриарху, и никогда я не поверю, чтобы римляне вступили в общение со здешними, если эти не исповедают, что Господь наш Иисус Христос и Бог по тому и другому [Божеству и человечеству], – из чего и в чем и то, что Он есть, – имеет природную волю и действие [в отношении к совершению] нашего спасения».

И говорят они: «А если все-таки соединятся со здешними римляне, что сделаешь?»

Святой ответил: «Дух Святый анафематствовал чрез апостола (Гал. 1:8) даже ангелов, вводящих что либо новое и чуждое проповеди [евангельской и апостольской]».

¹¹ Апокрисиарии – представители римского папы в Константинополе.

И говорят: «Есть ли всецелая необходимость говорить о двух волях во Христе и действиях?»

Ответил: «Всецелая необходимость – если, конечно, хотим благочествовать по истине, ибо ничто сущее не существует без природного действия. И святые отцы ясно говорят, что никакая природа ни существует, ни познается без существенного [существу ее свойственного] ее действия. Если же ни существует, ни познается природа без существенно ее характеризующего действия, то как возможно чтобы знали Христа, или чтобы Он давал Себя знать как истинного Бога и человека, без Божеского и человеческого действия? Ведь лев, по учению отцов, потерявший способность рыкания, не есть лев, и пес – способность лаять, не есть пес, и все другое, потеряв то, что составляет его природу, не есть уже то, что было».

И говорят ему: «Мы знаем действительно, что так это. Однако [смотри] не оскорби царя, только ради мира и составившего этот *Типос*, не для уничтожения чего-либо долженствуемого мыслиться о Христе, но для мира допустившего умолчание составляющих причину раздора речений».

Тогда раб Божий, повергшись на землю, со слезами сказал: «Не должен оскорбиться добрый и благочестивый владыка на мое ничтожество, ибо я могу оскорбить Бога замалчиванием того, что говорить и исповедовать повелел Он. Ведь если, по божественному апостолу, Сам поставил в Церкви, во-первых, апостолов, во вторых, пророков, в третьих – учителей (Еф. 4:11), то очевидно, что Сам Он и говорил через них. И вот чрез все Святое Писание как Ветхого, так и Нового Завета, святых учителей и Соборы мы научаемся, что воплотившийся Христос Иисус Господь и Бог наш не лишен, кроме греха (Евр. 4:15), ничего из того, в чем как Бог познается, и в чем и как [сущий] по природе человек

открывается. А если Он совершен по тому и другому, и не имеет недостатка, то явно искажает все таинство о Нем тот, кто не исповедует, что Он есть то, что есть, со всеми присущими Ему свойствами по тому и другому, из чего, в чем и что Он есть».

8. Немного помолчав и поговорив друг с другом, говорят: «Чем можешь доказать, что представители Константинопольского престола отвергают соборы?»

И говорит им: «Уже было показано подробно в моих бывших в Риме беседах с господином Григорием асикритом. И теперь если угодно, это будет доказано.

Прикажите дать свободу недостойному рабу вашему, и я приведу доказательства из книг, так как мои отобранны – и всем сделаю это ясным, без какой либо запутанности в словах».

И потом, после других многих с обеих сторон разговоров, обратились к доказательствам и рассуждениям от Писания, природы и искусства, коими усладившись, они пришли в веселое настроение и начали говорить Максиму: «Знает Господь, авва, что великую пользу мы получили, и отныне досаждать вам [своими посещениями] будем».

9. И говорит ему господин Сергей: «Много раз приходил я келью твою в Вемвас и слышал твое учение, и Бог да поможет тебе, не беспокойся, но ты печалишь всех одним только тем, что многих заставляешь отделяться от общения со здешней Церковью».

Но святой сказал: «Кто может сказать, что я говорил ему: не имей общения с Церковью византийцев?»

Ответил Сергей: «Это самое именно, что ты не имеешь общения, служит великим призывом ко всем, чтобы не иметь общения».

И сказал святой: «Господин мой! Ничего нет сильнее обличений совести, и ничего нет дерзновеннее ее одобрений».

Когда же кир Троил услышал, что *Типос* анафематствуется на всем Западе, говорит святому: «Разве хорошо, что мнение нашего благочестивого владыки [царя] подвергается поношению?»

Ответил святой: «Да долго терпит Бог к тем, кои побудили владыку [царя] составить *Типос*, и признали [его], и допустили».

И говорит Троил: «Но кто же суть те, что побудили или допустили?»

Ответил раб Божий: «Представители Церкви побудили, а сановники допустили. И вот эта нечисть виновных взыскивается с невинного и чистого от всякой ереси.

Но посоветуйте ему сделать то, что сделал некогда благочестивой памяти его дед [Ираклий]. Когда он узнал, что некоторые на Западе подвергают его порицанию, посредством указа сделал себя свободным от церковного осуждения, написав, что “*Экфесис* не принадлежит мне, так как я ни диктовал его, ни давал приказ составить, но патриарх Сергий, сочинив его за пять лет до возвращения моего с Востока, когда я прибыл в этот преблагословенный город, упросил меня издать его от моего имени с подписью, – и я принял ходатайство его, – теперь же, узнав, что некоторые восстают против него, делаю всем известным, что он не мой?” Такой указ послал он блаженному Иоанну папе, осуждавшему *Экфесис* в тогдашних письмах своих к Пирру. И с тех пор *Экфесис* повсюду считается делом Сергия. Это пусть сделает и теперешний благочестивый царь наш, и будет совершенно чисто от всякого порицания имя его».

Когда Преподобный сказал это, они, покачав головами, смолкли, сказав только это: «Все трудно и безвыходно».

И после этих слов, отдав взаимные поклоны друг другу, они удалились с полным благодушием.

10. Потом в другую субботу снова привели их в дворец. Вводят сначала ученика святого. Сошлись тогда два патриарха¹². Вводят Константина и Мину, обвинителей старца, требуя от ученика подтверждения их словам. Он же со всяким дерзновением сказал сенату: «Константин вводится в секретарий дворца?! Он ни пресвитер, ни монах, но трибун фимелийский, – известен африканцам и римлянам, – и каких женок содержа пришел оттуда? Все знают и все отлично постигли его уловки, что делал он, чтобы скрыть это, то говоря, что сестры мои это, то [утверждая], что для того, чтобы не допускать общения с Константинопольской церковью я взял их, да не осквернятся еретическим общением, но также, если ему не доставало средств на удовольствия и он находил место, где его не знали, то опять [и там] делает то же самое ради скверного стяжания и грязных удовольствий. И для тех, кто желает вести жизнь досточестную, великий позор даже и встречаться с ним».

Потом опять на вопрос, анафематствовал ли он *Типос*, бесстрашно сказал: «Не только анафематствовал я, но и написал книгу».

А некоторые сказали ему: «И так что же? Не признаешь, что ты сделал худо?» И говорит: «Не дай Бог, чтобы я сказал, что стало худым то, что я сделал хорошо и по-церковному». После того как и на другие многие вопросы тот самый ученик Святого дал ответы, его выводят из секретария.

11. Потом вводят преподобного, и говорит ему Троил патриций: «Скажи, авва, но смотри, все по истине скажи,

¹² Имеются в виду Петр, патриарх Константинопольский (654–666); кто был вторым упомянутым здесь патриархом, неизвестно.

и помилует тебя владыка, так как если мы обратимся к [формальному] следствию по закону, и оно найдет истинным хотя бы одно обвинение против тебя, то закон подвергнет тебя смерти».

Святой сказал: «Но я уже сказал, и опять говорю, что если только одно из того, что говорится [на меня] истинно, то и сатана есть Бог. Если же он не есть Бог, но отступник, то и обвинения против меня ложны и безосновательны. Впрочем, если что повелеваете сделать, сделайте: почитая Бога, я не допущу себе неправды».

Говорит ему Троил: «Не анафематствовал ли ты *Типос*?»

Он же сказал: «Часто говорил я, что анафематствовал его».

И говорит Троил: «*Типос* анафематствоал ты? – Царя анафематствовал».

Ответил Божий раб: «Я царя не анафематствовал, но писание, чуждое церковной веры».

Он же сказал ему: «Где анафематствован римским собором?»

И говорит Святой: «В Церкви Спаса и в церкви Богородицы».

Тогда говорит ему епарх: «Стоишь в общении со здешней Церковью или не стоишь?»

Ответил Преподобный: «Не стою в общении».

И епарх: «Почему?»

Святой сказал: «Потому что она отвергла соборы».

Тот: «Если отвергла соборы, зачем же в диптихи вносятся?»

И говорит святой: «Но какая польза в именах, когда догматы отвергнуты?»

«И можешь, – сказал епарх, – это доказать?»

И сказал Максим: «Если получу дозволение и приказываете, можно доказать это весьма легко».

Тогда закричал один клирик: «Воздал тебе Бог тем же, что сделал ты Пирру», – (которому он совершенно ничего не ответил).

И когда все смолкли, говорит ему сакелларий: «Почему ты любишь римлян, а греков ненавидишь?»

И в ответ Святой сказал: «Заповедь имеем не ненавидеть никого: люблю римлян как единоверных, а греков как единоплеменных».

И говорит ему сакелларий: «Сколько лет считаешь себе?»

Ответил Святой: «Семьдесят пять».

Сакелларий: «Сколько годов находится с тобою ученик твой?»

Святой: «Тридцать семь».

12. Когда все это говорилось в секретарии, никто из патриархов совершенно ничего не произнес.

Когда же речь шла о соборе римском, Демосфен кричит: «Не имеет силы этот собор, так как собравший его Мартин низложен был».

И говорит Божий раб: «Не низложен был, а подвергся гонению [и изгнанию]. Разве было в Актах такое соборное и каноническое определение, в коем несомненно содержится низложение его? Впрочем, пусть и канонически низложен, это не может служить осуждением тому, что определено православно, по божественным канонам, с чем согласуется и написанное святым папой Феодором».

Выслушав это, Троил патриций говорит: «Не знаешь, что говоришь, авва! Бывшее – было».

13. Вот что было возбуждено и сказано, сколько удерживает память. И вот чем закончилось связанное с ними, когда и святой старец был отпущен из секретного помещения под стражу. А именно: на следующий день,

бывший воскресеньем, церковники «составили совещание» (Мк. 15:1) и убедили царя осудить их на жестокую и бесчеловечную ссылку, разделив друг от друга: святого старца – в Визию, границу Фракии, а ученика его – в Перверис, бывший конечной границей римского царства, лишенных всяких средств к жизни, с запрещением приближаться к морю, чтобы не иметь призрения от милостивцев. И таким образом они остаются без одежды и пищи, имея надежду только на Бога, увещевая всех христиан и взывая так: «Молитесь ради Господа, да совершит Господь милость Свою со смирением нашим и да научит нас тому, что плавающие с Ним подвергаются свирепости моря, причем корабль, хотя и отдается буре и волнам, но остается невредимым, ибо Он попускает им подвергаться великому волнению, испытывая их расположение к Нему, дабы они великим гласом восклицали: “Господи, спаси нас, погибаем!” (Мф. 8:25), научились Ему одному приписывать все, что относится к спасению их, не надеялись на самих себя и достигли великой тишины с укрощением бури и волн, – в средину волков отдает их, повелевает входить узкими вратами и идти скорбною стезею (Мф. 7:13; Лк. 13:24), предлагает голод, жажду, наготу, узы, темницы, ссылки, бичевания, крест, гвозди, уксус, желчь, оплевания, пощечины, заушения, осмеяния – страдание и смерти разнообразные, чего конец – всесветное воскресение, несущее с собою мир подвергшимся гонению ради Него, и радость испытавшим скорби ради Него, и вознесение на небеса, и приведение к Отеческому и пресущному престолу, и жребий превыше всякого начальства и власти и силы и господства и всякого имени, именуемого в сем веке или в будущем (Еф. 1:21), коего [воскресения] да достигнем все, молитвами и ходатайством всехвальной, пречестной и преславной истинно по природе Богородицы и Приснодевы Марии, и святых апостолов, пророков и мучеников. Аминь».

ДИСПУТ В ВИЗИИ

(Том, содержащий сообщение о догматах,
бывших предметом спора между святым Максимом
и Феодосием, епископом Кесарии Вифинской,
и консулами, которые были с ним)

1. Прения о непорочной для нас, христиан, вере и измышленном нововведении противников наших, происходившие между аввою Максимом и Феодосием, епископом Кесарии Вифинской, я почел необходимым сделать известными всем вам, пребывающим в православии, чтобы вы, имея точнейшие сведения о них, тем более прославляли человеколюбивого Бога, дающего слово в отвержении уст (Еф. 6:19) боящихся Его, дабы враги истины, изрекая свои обычные злословия против нее, не смутили ваших сердец.

2. Итак, в двадцать четвертый день августа месяца прошедшего теперь четырнадцатого индиктиона¹, пришел к нему в место, где он находился под стражею в ссылке, то есть в лагерь в Визии, вышеназванный епископ Феодосий, посланный, как он сказал, от лица Петра, предстоятеля Константинополя, и Павел и Феодосий – консулы, как сказали они, посланные от лица царя.

Они, вошедши к блаженному Максиму в то место, где он был заключен, сели и позволили сесть и ему, причем присутствовал с ними и епископ Визийский.

3. И говорит ему Феодосий епископ: «Как живешь, господин авва Максим?»

¹ 24 августа 656 г.

Ответил святой: «Как предопределил Бог прежде всех веков Свое промыслительное обо мне решение, так и живу».

Феодосий говорит: «Что же ты говоришь? Но разве прежде всякого века о каждом из нас предопределил Бог?»

Максим сказал: «Если предуведал, то без сомнения и предопределил» (Рим. 8:29).

Феодосий: «Что значит это – “предуведал” и “предопределил”?»

Максим: «Предведение есть [касается] находящихся в нашей власти мыслей и слов и дел, а предопределение касается не находящихся в нашей власти событий».

Феодосий: «Что находится в нашей власти и что находится не в нашей власти?»

Максим: «Как кажется, господин мой, зная все, ради испытания беседует с рабом своим».

Феодосий: «Ради [клянусь] истины Бога, я спросил по незнанию и желанию узнать различие между тем, что в нашей власти, и что не в нашей власти, и каким образом одно находится под предведением Божиим, а другое – под предопределением».

Максим: «В нашей власти находится все добровольное, именно добродетели и пороки, а не в нашей власти – подвержение нас разного рода случающимися с нами наказаниям или противоположному им [наградам]. Так, не в нашей власти ни наказующая нас болезнь, ни одобряющее здоровье, но производящие их причины [в нашей власти], например, воздержание – причина болезни, как воздержание – здоровья, и соблюдение заповедей – причина Царства Небесного, как преступление их – огня вечного».

Говорит Феодосий: «Что же? Потому терпишь скорбь в этой ссылке, что сделал ты что-либо достойное этой скорби?»

Максим сказал: «Молю Бога, чтобы Он в этой скорби совершил воздаяние за то, в чем я согрешил Ему чрез

преступление оправдательных заповедей Его».

Но Феодосий говорит: «Разве скорбь не посылается многим и ради испытания?»

Святой Максим сказал: «Испытание касается святых, чтобы их расположение к тому, что благо по природе, чрез скорбь явлено было в жизни людей, открывая вместе с тем в себе неизвестные всем их добродетели, как это было с Иовом и Иосифом: первый подвергался испытанию для проявления скрывавшегося [в нем] мужества, а второй искушался для откровения [его] освятительного целомудрия. И всякий из святых, не добровольно подвергаясь скорбям в сем веке, терпит это из-за каких-либо подобных же целей [Божиих], чтобы они посредством немощи, которой предоставляется им [от Бога] подвергнуться, попирали гордеца и отступника дракона, то есть диавола, ибо терпение есть дело испытания у каждого из святых».

Феодосий: «Свидетельствую истину Богу, ты прекрасно сказал, и я признаю это полезным, – я всегда стремился побеседовать с вами об этих предметах. Но так как и я, и [эти] господа мои будущие [превосходнейшие] патриции явились к тебе, и прошли такое расстояние по другому главному делу, то убеждаем тебя принять наши предложения и [тем] доставить радость всей вселенной».

Святой сказал: «Какие это, господин! И кто я и откуда, чтобы согласие [мое] на то, что предлагается мне, доставило радость вселенной?»

А Феодосий опять: «Свидетельствую истиной Господа нашего Иисуса Христа, что скажем тебе и я, и [эти] господа мои будущие [превосходительнейшие] патриции, – это мы слышали из уст владыки нашего патриарха и благочестивого царя».

Святой Максим сказал: «Благоволите, владыки мои, сказать то, что желаете, и что вы слышали».

Феодосий: «Просит царь и патриарх чрез нас узнать от тебя, по какой причине ты не имеешь общения с престолом Константинопольским?»

Сказал святой: «Имеете относительно сего письменное приказание от благочестивейшего царя и от патриарха?»

И Феодосий: «Не должно тебе, господин, иметь недоверие к нам, ибо хотя и ничтожен я, однако считаюсь епископом, но и [эти] господа мои состоят членами сената, и мы пришли не искушать тебя, – не дай [этого] Бог!»

Святой Максим сказал: «С какой бы целью не пришли вы к рабу вашему, я без всякого стеснения скажу причину, по которой не имею общения с вами. Впрочем, если другим и естественно спрашивать меня, по какой причине [я не имею этого общения], но не вам, знающим вернее меня эту причину.

Ведь все вы знаете бывшие в шестом индиктионе прошлого круга нововведения –начавшиеся в Александрии, изданными Киром, не знаю, как сделавшимся там предстоятелем – девятью главами, подтвержденными от Константинопольского престола, и другие изменения, прибавки и уменьшения, сделанные соборно предстоятелями церкви Византийской, – говорю о Сергии, Пирре, и Павле, – каковые нововведения знает вся вселенная. По этой причине не имею общения, раб ваш, с церковью Константинопольской. Пусть устранятся препятствия, положенные названными лицами, вместе с самими положившими их, как сказал Бог: «и камни с пути разбросайте» (Ис. 62:10), и прямым и торным (ср.: Ис. 40:4), свободным от всякого терния еретического путем Евангелия пусть пойдут, – тогда и я, найдя это, как было прежде, пойду без всякого увещания человеческого. Но пока предстоятели Константинопольские величаются положенными препятствиями и теми, кто их положил, никакие рассуждения и меры не заставят меня

быть в общении с ними».

И Феодосий говорит: «Но что же дурное мы исповедуем, чтобы тебе отделяться от общения с нами?»

А святой: «То, что, признавая одно действие Божества и человечества Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, вы смешиваете учение богословия и домостроения. Ведь если должно верить святым отцам, говорящим: у кого одно действие, у тех и сущность одна, то святую Троицу вы делаете четверицей, так как единоприродной со Словом становится плоть Его, и лишается родственного с нами и с Родившей Его тождества по природе. А также, уничтожая [два] действия и утверждая одну волю Божества Его и человечества, вы отнимаете у Него раздаяние благ. Ведь если бы Он не имел никакого действия, согласно постановившим это, то ясно, что если и пожелает, Он не может помиловать, с отнятием у Него действия благ, если, конечно, без природного действия ничему из сущего не свойственно действовать или совершать. Иначе – и плоть вы делаете по воле сотворцом всех веков, и того, что в них, вместе с Отцом и Сыном и Духом, и недавнюю [тварную] по природе [плоть делаете] творцом по природе, или, вернее сказать, безначальной по воле, – если, конечно, Божественная воля безначальна как воля безначального Божества, что превышает не только всякое безумие, но и нечестие, ибо вы говорите не просто только то, что одна воля [во Христе], но и то, что она Божеская, а для Божественной воли никто не может придумать временного начала или конца, так как это несвойственно и Божественной природе, которой существенно принадлежит воля.

Также и другое вводя новшество, вы совершенно отнимаете все характерные признаки и свойства Божества и человечества во Христе, постановляя законами и типосами не говорить ни об одной, ни о двух в Нем волях или действиях, что возможно [только] для несуществующего предмета. В

самом деле, ничто из сущего, если оно духовно, не лишено желательной способности и действия, а если чувственно – чувственного действия, если растение – растительного и питательного действия, если все цело бездушно и непричастно всякой жизни, так называемого по состоянию действия или годности. И все таковые существа являются подлежащими восприятию чувствами чувственных [существ], ибо действие таковых состоит в том, чтобы подлежать зрению по своему внешнему виду, слуху – по звуку, обонянию – по некоему природному испарению, вкусу некими соками и осязанию по сопротивлению. И как действием зрения мы называем зреть, так и действием зримого – быть зримым, – и прочее все, мы видим, совершается таким же образом.

Если таким образом ничто из сущего отнюдь не лишено всякого природного действия, а Господь наш и Бог, – милостив буди, Господи, – не имеет никакого природного хотения [воли] или действия, по тому и другому, из чего, в чем и что Он есть, то разве можем или быть или называться благочестивыми, утверждая, что покланяемый от нас Бог никоим образом не имеет способности воли или действия? Ведь мы ясно научаемся от святых отцов, говорящих: «не имеющее никакой силы [действия] не существует, не есть нечто и совсем нет какого-либо положения его²».

Феодосий говорит: «Что бывает для домостроения, ты не должен принимать за точный догмат».

Святой Максим сказал: «Если *Типос* и закон, определяющий не говорить ни о какой воле или действии Господа, отнятие которых означает несуществование Того, у Кого они отняты, не есть действительный догмат тех, кто принимает [*Типос*], то по какой причине вы отдали меня варварским и безбожным народам, лишив чести? По какой причине я осужден жить в Визии, и сорабы мои – один в

² Дионисий Ареопагит. О Божественных именах 8.5.

Перверисе, а другой в Месемврии?»

И говорит Феодосий: «Богом, имеющим меня судить, свидетельствуюсь, что и тогда, когда составлен был *Типос*, я говорил и теперь то же самое говорю, что худо был он составлен и во вред многим, а поводом к изданию его послужили споры православных между собой о волях и действиях, и [вот] для примирения всех друг с другом некоторые решили, чтобы не произносились эти слова».

Святой Максим сказал: «Какой верный примет домостроение, замалчивающее такие слова, которые говорить удостоил Бог всяческих чрез апостолов и учителей и пророков? Но рассмотрим, господин великий, до какого зла достигает затрагиваемый предмет этот. Ведь если Бог поставил в Церкви во-первых апостолов, во-вторых пророков, в третьих учителей, к совершению святых (Еф. 4:11), сказав в Евангелии апостолам, а чрез них [и] тем, которые после них: «что вам говорю, говорю всем» (Мк. 13:37) и опять: «кто принимает вас, Меня принимает» (Мф. 10:40), и «отвергающий вас Меня отвергает» (Лк. 10:16), то очевидно и ясно, что не принимающий апостолов, пророков и учителей, но отвергающий их слова, отвергает Самого Христа.

Но рассмотрим и другое. Бог, избрав, воздвиг апостолов и пророков и учителей, в совершении святых (Еф. 4:11), а диавол лжеапостолов и лжепророков и лжеучителей против благочестия, избрав, воздвиг, так что нападениям [их] подвергается и древний закон, и новый. А под лжеапостолами и лжепророками и лжеучителями я разумею одних только еретиков, которых слова и мысли развращенны (Деян. 20:30). Итак, принимающий истинных апостолов и пророков и учителей, Бога принимает; так, и принимающий лжеапостолов и лжепророков и лжеучителей, диавола принимает. Поэтому, кто в союзе с проклятыми и нечистыми

еретиками изгоняет святых, тот в союзе с дьяволом явно осудил Бога, – примите меня, говорящего истину.

Если таким образом, исследуя явившиеся в наши времена нововведения, находим их достигшими до крайней степени зол, то смотрите, как бы под предлогом мира не оказаться страждущими отступлением [и проповедующими], о котором Божественный апостол сказал (2 Фес. 2:3-4), что оно будет предтечею пришествия антихриста. Это без стеснения сказал я вам, господа мои, чтобы вы пощадили себя самих и нас. Приказываете, чтобы я, имея это написанным в книге моего сердца, вошел в общение с той церковью, в которой это проповедуется, и чтобы я стал общником тех, которые действительно отвергают Бога, то есть якобы дьявола в союзе с Богом [проповедуется союз]? Да не будет [этого] со мною от Бога, ради меня ставшего [человеком] как я, кроме греха (Евр. 4:15, 9:28)». И сделав поклон, сказал: «Если что повелите сделать с рабом вашим, сделайте: я с принимающими это никогда не буду общником».

4. Епископ же и бывшие с ним, пораженные этими словами святого, склонив вниз свои головы, молчали долгое время. А после того Феодосий епископ, подняв голову и устремив взор на авву Максима, сказал: «Мы ручаемся тебе за владыку нашего царя, что если ты войдешь в общение, он похоронит *Типос*».

Говорит ему святой: «Слишком далеко мы разошлись друг с другом: что станем делать с термином “одна воля”, который для устранения всякого действия соборно утвержден Сергием и Пирром и Павлом?»

Феодосий сказал: «Та запись уничтожена и отвергнута».

Святой сказал: «Уничтожена в каменных стенах, но и не в разумных душах: пусть примут осуждение их соборно в

Риме³ утвержденное посредством благочестивых догматов и канонов, и тогда разрушится средостение (Еф. 2:14) и не надо будет убеждать нас».

Феодосий: «Не имеет силы собор Римский, так как он был без царского приказа».

Максим: «Если приказы царей дают значение бывшим соборам, а не благочестивая вера, то прими бывшие против единосущия соборы, так как они происходили по приказу царей. Разумею именно: первый – в Тире⁴, второй – в Антиохии⁵, третий в Селевкии⁶, четвертый – в Константинополе при Евдоксии арианине⁷, пятый – в Нике Фракийской⁸, шестой – в Сермии⁹ и, после этих спустя много времени седьмой – в Ефесе¹⁰ вторично, на котором председательствовал Диоскор. Все эти соборы собирались по приказу царей, и однако же, все они были осуждены по причине безбожности утвержденных на них догматов. И почему не отвергаете собор, низложивший Павла Самосатского при святых и блаженных Дионисии папе Римском и Дионисии Александрийском и Григории Чудотворце, председательствовавшем на этом соборе, так как он был не по приказу царя? Какой канон повелевает принимать только те соборы, которые собирались по приказу царя или вообще всем соборам собираться по приказу царя? Те соборы благочестивый канон Церкви

³ На Латеранском соборе в 649 г.

⁴ В 335 г., по приказу императора Константина.

⁵ В 341 г., по приказу императора Констанция.

⁶ В 359 г., по приказу императора Констанция.

⁷ Собор в Константинополе был созван в 360 г. и подтвердил решения собора в Римини (359 г.).

⁸ Между 357 и 360 гг.

⁹ Собор в Сирмии 357 г. запретил употребление терминов «единосущный» и «подобосущный» как создающих разделение в Церкви.

¹⁰ Так называемый «разбойничий», «Ефесский разбой», 449 г.

признает святыми и принятыми, которые одобрила правота догматов. Но как ведает господин мой, и других учит, канон повелел дважды в году бывать соборам в каждой епархии¹¹, не сделав никакого упоминания о царском приказе для охранения спасительной нашей веры и исправления всего, что относится к Божественной сущности Церкви».

Феодосий: «Это так, как говоришь – правота догматов утверждает соборы. Впрочем, разве не принимаешь книгу Мины, в которой он изложил догмат об одной воле и одном действии Христа?»

Максим: «Не дай Господь Бог! Вы не принимаете, но отвергаете всех учителей, бывших после святого в Халкидоне собора, боровшихся против мерзостной ереси Севира. И разве я могу принять книгу Мины, явившуюся после собора, в которой он явно защищает Севира, и Аполлинария, и Македония, и Ария, и всякую ересь, и своими догматами обвиняет собор, а вернее – совершенно отвергает?»

Феодосий: «Так что же? Не принимаешь одного действия авторитетных отцов?»

И привел Феодосий употребляемые у них подложные места из сочинений святых, как то: Юлия Римского, Чудотворца Григория, Афанасия, – и прочитал их.

И сказал Максим: «Побоимся же Бога и не посмеем прогневать Его приведением [в доказательство] еретических мест: ведь всякий знает, что это дело нечестивого Аполлинария. Если другие имеешь, покажи, так как приводя эти, более убеждаете всех в том, что в действительности вы возобновили зло Аполлинария и его единомысленников».

И приводит [тот же епископ Феодосий] под именем якобы Златоуста другие два места, которые прочитав авва Максим сказал: «Они принадлежат Несторию, страдавшему недугом [учения о] личной двойственности во Христе».

¹¹ 5-е правило Никейского собора.

И тотчас закипев яростью, Феодосий сказал: «Господин монах! Сатана изрек [это] устами твоими».

Максим: «Не оскорбись, владыка мой, на раба твоего». И взяв, тотчас показал ему, что именно эти самые изречения принадлежат Несторию, и в каких сочинениях его находятся.

Феодосий: «Видит Бог, брат, эти места дал мне патриарх. Впрочем, одни назвал ты изречениями Аполлинария, другие – Нестория». И приведя место святого Кирилла, в котором говорится: «Показуя одно и сродное и чрез оба [естества] действие»¹², говорит: «Что на это скажешь?»

Максим: «Некоторые действительно указали это изречение, в качестве прибавления помещенное в толковании Евангелия, составленном из этого святого отца Тимофеем Элуром. Но пусть по-вашему оно будет его»¹³. Исследуем, в таком случае, смысл отеческих слов и узнаем истину».

Феодосий: «Быть этому я не допускаю, ибо необходимо принимать изречения простые».

Максим: «Будь любезен, скажи мне, в чем различие простых речений в сравнении с искусственными?»

Феодосий: «В том, чтобы принимать речение как оно есть, и не исследовать смысл его».

Максим: «Очевидно, вы вводите новые и чуждые Церкви законы и относительно речений [Святого Писания]. Если, по-вашему, не должно исследовать речений Писания и отцов, то мы отвергнем все Писание как древнее, так и новое. Вот я слышал слова Давида: «блаженны исследующие свидетельства Его, всем сердцем взыщут Его» (Пс. 118:2), так что никто не может взыскать Бога без исследования. И еще: «Вразуми меня, и буду исследовать закон Твой и сохраню его всем сердцем моим» (Пс. 118:34), таким образом,

¹² Толкование на Иоанна 4.2.

¹³ Св. Кирилла.

исследование ведет к познанию закона и знание побуждает достойных к желанию сохранить его в сердце посредством исполнения содержащихся в нем святых заповедей. И опять: «Дивны свидетельства Твои, посему исследовала их душа моя» (Пс. 118:129). Зачем и приточное слово желает, чтобы мы исследовали притчи, загадки и темные изречения (Прит 1:6)? Зачем и Господь, говоря в притчах, желает, чтобы Его ученики разумели [их], если разъясняет смысл притчей (Мф. 13:18; Лк. 8:11)? Зачем повелевает: исследуйте Писания, как свидетельствующие о Мне (Ин. 5:39)? Зачем первый из апостолов Петр желает научить, говоря о спасении, о котором исследовали и изыскивали пророки (1 Петр. 1:10)? Зачем Павел Божественный апостол говорит: «Если закрыто Евангелие, то среди погибающих закрыто, в которых бог века сего ослепил сердца и очи разума их, чтобы не воссиял им свет знания Бога» (2 Кор. 4:3-4). Как кажется, вы желаете уподобить нас иудеям, которые простыми речениями, как говорите вы, то есть одной только буквой, как бы неким мусором засыпав свой ум, отпали от истины, имея покрывало в сердцах своих, так что не разумеют Господа Духа, закрытого буквой, о чем говорит [апостол]: «буква убивает, а Дух животворит» (2 Кор. 3:16), пусть же удостоверится владыка мой, что я не допущу принять изречение без содержащегося в нем смысла, чтобы не стать явно иудеем».

И Феодосий: «Об одном действии Христа ипостасном должны мы говорить».

Максим: «Рассмотрим то зло, какое является отсюда, и покинем это странное выражение, ибо оно принадлежит одним только еретикам, многобожникам. Ведь если говорим об одном ипостасном действии Христа, а Сын различается от Отца и Духа по ипостаси, а следовательно, и по ипостасному действию, то мы вынуждаемся уделять ипостасные действия как Сыну, так и Отцу и Духу. Но [в таком случае], по-

вашему, блаженное Божество будет иметь четыре действия: три, что отделяют лица, в которых оно есть, и одно общее, обозначающее общность, по природе трех ипостасей. А потому, согласно отцам, если, конечно, принимаем их учение, мы подвергнемся недугу четверобожия, ибо всякое действие они объявляют природным, а не ипостасным. И если это истинно, как и действительно есть [таково], то мы окажемся говорящими о четырех природах и четырех по природе богах, различающихся друг от друга как ипостасью, так и природой. Кроме того, кто может высказать в слове или представить в уме действие, обособляющее что-либо такое, что подводится под какой-либо вид и находится по природе под общим определением вида? Ведь то, что является общим [свойством предметов] по природе, никогда не бывает свойством только единичного чего-либо, ибо личные [ипостасные] признаки, например, длинный ли нос, ясные глаза, плешивость и все таковое, – суть случайности, служащие определением предметов, различающихся друг от друга числом. Так, всякий человек имеет свойство действовать как сущий нечто по природе [общечеловеческой], а не как некто по ипостаси, соответственно той и частной, и общей категории, что [при этом] представляется в уме и выражается в слове. Например, “животное разумное смертное” относится к общеродовому свойству нас, ибо все мы причастны одной и той же жизни, и одной и той же разумности, и одному и тому же течению и утечению, также сидению и стоянию, говорению и молчанию, видению, слышанию, осязанию – что (все) относится к тому, что мыслится о нас вообще. Итак, не должно нововводить речение, не соответствующее ни Писанию, ни отцам, ни природе, но должно считаться чужим и изобретенным чрез развращение людей. Впрочем, покажи мне у какого-либо отца это речение, и тогда мы опять исследуем смысл его у изрекшего его».

Феодосий: «Что же? О Христе совсем не подобает говорить: “одно действие”»?

Максим: «От святого Писания и святых отцов мы не уполномочены говорить ничего такого, но имеем повеление веровать и исповедовать как две природы во Христе, из которых Он есть, так и [две] природные Его воли и [два] действия одновременно и соответственно Ему, как сущему по природе вместе Богу и человеку».

Феодосий: «Так и мы исповедуем и природы и различные действия, то есть как Божественное так и человеческое, и Божество Его [исповедуем], как волительное, так как не без воли была душа Его. Но не говорим: “два”, чтобы не представить Его враждующим с Самим Собою».

Максим: «Но разве, говоря: “две природы”, вы представляете их по причине числа, враждующими?»

Феодосий: «Нет».

Максим: «Что же? Когда число употребляется о природах, тогда оно разделяет, а когда говорится о волях и действиях, не может разделять?»

Феодосий: «Без сомнения в этом случае [также] производит разделение, и отцы о волях и действиях не употребляли числа, избегая разделения, но [говорили:] иная и иная, Божественная и человеческая, двойная, двоякая, и как они сказали, говорю, и как они изрекли, говорю».

Максим: «Ради Господа, [ответь:] если кто тебе скажет: “иную и иную”, – сколько разумеешь? Или “Божественную и человеческую”, – сколько разумеешь? Или “двойную и двоякую”, – сколько разумеешь?»

Феодосий: «Знаю, как понимать, – говорит, – но два не говорю».

Тогда авва Максим, обратившись к начальникам, сказал: «Ради Господа [скажите:] если вы услышите одно и одно [действие], или иное и иное, или дважды два, или дважды

пять, – что разумея вы ответите говорящим?»

И сказали: «Так как ты заклинаешь нас, то [ответим, что] под одним и одним [действием] понимаем два, и под иным и иным – два понимаем, и под дважды два – четыре, и под дважды пять – десять».

И как бы устыдившись ответа их, Феодосий сказал: «Чего не сказано отцами, [того] не говорю».

Но авва Максим тотчас, взяв книгу Деяний святого и апостольского собора в Риме, показал отцов, ясно говорящих о двух волях и действиях Спасителя нашего и Бога Иисуса Христа, которую взяв от него, Феодосий консул прочитал все изречения святых отцов. И тогда Феодосий епископ сказал в ответ: «Видит Бог, если бы этот собор не положил анафемы на известных лиц, я более всякого человека принял бы его. Но чтобы не терять здесь времени, если что сказали отцы, говорю и тотчас письменно излагаю: две природы и две воли и два действия, только вступи с нами в общение и да будет единение».

Максим: «Владыка, я не дерзаю принять от вас письменное согласие относительно такого предмета, будучи простым монахом. Но так как Бог внушил вам принять изречения святых отцов, как [этого] требует канон, то к римскому предстоятелю об этом письменно пошлите [известие], то есть царь, патриарх и его синод. Я же без этого не вступаю в общение, пока подверженные анафеме лица упоминаются за святым возношением, ибо боюсь осуждения анафемы».

Феодосий: «Бог видит, не осуждаю тебя за эту боязнь ни я, и никто другой кто. Но дай нам совет, ради Господа, как это может осуществиться?»

Говорит ему святой: «Какой совет могу вам относительно этого дать? Идите, разузнайте, было ли когда что-либо такое, и разрешался ли кто по смерти от обвинения относительно

веры и от объявленного в нем осуждения, и пусть согласятся и царь и патриарх подлежать снисхождению Бога, и составят: один¹⁴ – ходатайственный приказ, а другой¹⁵ – соборное прошение к папе Римскому. И конечно, если найдется церковный образец, разрешающий это ради правого исповедания веры, я соглашусь с вами в этом.

И Феодосий: «Это без сомнения будет. Но дай мне слово, что если меня пошлют, ты пойдешь со мной».

Святой Максим сказал: «Владыка! Полезнее тебе будет взять с собой сораба моего, находящегося в Месемврии, чем меня, ибо он и язык [латинский] знает, и все достойно чтут его, как столько лет подвергающегося наказанию за Бога и правую веру, которая держится на его престоле [римском]».

И говорит Феодосий: «Разные столкновения друг с другом мы имели, и мне неприятно отправиться с ним».

Святой Максим сказал: «Владыка! Если это угодно [тебе], пусть будет исполнение твоего желания, и когда прикажете, последую с вами».

И при этом встали все с радостью и слезами совершили поклоны, и была молитва. И каждый из них поцеловал святыне Евангелия, честный крест, икону Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и Владычицы нашей, родившей Его, Пресвятой Богородицы, приложив и свои руки в подтверждение того, что было сказано.

5. Потом, немного побеседовав друг с другом о богоугодной жизни и исполнении Божественных заповедей, обратившись Феодосий к авве Максиму, сказал: «Вот все соблазны устранены, и настал мир при помощи Бога, и будет. Но ради Господа, не скрой от меня: неужели ты никоим образом не назовешь одну волю и одно действие во

¹⁴ Император.

¹⁵ Патриарх.

Христе?»

Максим: «Никогда недопустимо для меня сказать это. И я высказываю причину: так как чуждо это речение святым отцам – называть одну волю и [одно] действие двух [различных] природ. А потом, говорящий это встречает прямо против него направляющиеся и [другие] всякого рода нелепости. Во-первых, если скажу: природная [одна воля или одно действие] – боюсь слияния. Во-вторых, если скажу: “личная”¹⁶ – разделю Сына от Отца и Духа, и окажусь вводящим три воли, не сходствующие друг с другом, равно как и ипостаси. В-третьих, если назову одну волю и [одно] действие как одного [из лиц Святой Троицы], то вынужден буду называть, хотя бы и не желал, и одну волю и [одно] действие, и как одного Отца, и как одного Духа, и окажется, что наша речь впадет в многобожие. В-четвертых, если назову [одну волю] относящейся к состоянию [а не к природе], то введу личное разделение Нестория. В-пятых: если скажу «против природы», то уничтожу существование волящего, ибо уничтожением для природы служит то, что против природы, как говорят отцы».

Феодосий: «Без всякого сомнения мы должны называть одну волю Спасителя нашего по причине единения, как, хорошо обдумав, по моему мнению, написали Пирр и Сергей».

Максим: «Своего позволения, владыка, скажу несколько слов об этом. Если по причине единения стала одна воля Бога и Спаса нашего, как Пирр, Сергей и Павел написали, то во-первых, Сын будет, согласно им, иноволен с Отцом, имеющим одну волю с Сыном по природе, а не по единению, если, конечно, не одно и то же есть единение и природа. Второе. Если по причине единения одною, по их мнению, стала воля Спасителя нашего, то причиною своею она будет

¹⁶ Ипостасная.

иметь, конечно, единение, а не ту ни другую из природ, из которых Он, и воля, очевидно, будет принадлежать, по их учению, состоянию, а не природе, ибо истинное учение знает природу, а не состояние. Третье. Если по причине единения одной, по их мнению, стала воля Спасителя нашего, то какую волей, по их мнению, явилось само единение? Ведь они, конечно, не скажут, заботясь об истине и избегая нелепости, что [оно явилось волей], явившейся по причине ее. Четвертое. Если по причине единения явилась одна воля Спасителя, то очевидно, что прежде единения Он был или многоволен или совсем безволен, и если многоволен был, то сократившись до одной воли, потерпел уменьшение [многих] волей и явно подвергся состоянию изменения – уменьшению природно присущих Ему многих волей; если же всецело был безволен, то единение Он явил превышающим природу, от которой Он получил Себе волю, которую природа не имела, и также явился изменчивым, приобретши по состоянию то, что не присуще ему по природе. Пятое. Если по причине единения одна воля Спасителя нашего по тому и другому¹⁷, из чего Он есть, явилась воля, то по воле стал тварным Богом Тот же самый, по причине единения оставаясь по природе вечным, и [стал] по воле безначальным человеком, оставаясь по природе тварным, что невозможно, чтобы не сказать, нечестиво. Шестое. Если по причине единения явилась одна воля [двух] природ, то почему же по той же самой причине не явилась одна [двух] природ природа?»

6. И прервав на этом течение речи [святого Максима], Феодосий епископ сказал: «Что же таким образом явилось по причине единения, если ничего такого не явилось по причине его?»

¹⁷ Божеству и человечеству.

Максим: «Явило оно [единение], что неложно стал воплотным бесплотный – Того, Кто по природе есть Бог и Творец всяческих, ясно представило ставшим по природе человеком не переменою природы или уменьшением чего-либо из принадлежащего природе, но истинным восприятием умственно одушевленной плоти, то есть не имеющего недостатков человечества, чистого по природе от всякой прародительской вины, и на основании взаимообщения, что поистине удивительно и для всех поразительно, [единение Божества и человечества во Христе явило] совершенным в человечестве Богом Того же Самого, Кто всецелым остается при своих [человеческих] свойствах, и совершенным в Божестве того же Самого, Кто всецело остается не лишенным Своих [Божеских] свойств. По причине единения явилось именно прохождение друг в друга природ и им присущих природных свойств, по учению богоглаголивых отцов наших, но не прехождение или превращение, что свойственно тем, которые единение злокозненно превращают в слияние¹⁸, и вследствие этого вдаются в многообразные новшества, и по недостатку твердости своего разума подвергают благочестивых гонению».

7. Выслушав это, Феодосий епископ с остальными, прибывшими с ним, казалось, принял слова эти. И опять тот же епископ сказал святому: «Сотвори любовь, скажи нам: что значит, что никто не действует как некто по ипостаси, но как нечто по природе, ибо я не понял этих слов и они смущают меня».

Максим: «Никто не действует как некто по ипостаси, но как нечто по природе. Например, Петр и Павел действуют,

¹⁸ Намек на Евтихия, основателя монофизитства и всех последовавших его ответвлений.

но не по-петровски и павловски, а человечески, ибо оба они – люди природно по общему определению природы, а не ипостасно по отдельно-личным качествам. Также Михаил и Гавриил действуют, но не михайловски и гаврииловски, а ангельски. И таким образом во всякой природе, определяемой многим числом [предметов] мы созерцаем общее, а не единичное действие. Итак, кто говорит об ипостасном действии, тот самую природу, которая одна, представляет бесконечной по действиям и по множеству подходящих под нее неделимых [особей] различествующей саму с собой, что если признаем верным, то вместе со всякой природой уничтожим образ бытия в ней».

8. После этих слов, при целовании их сказал Феодосий консул: «Вот, все прекрасно произошло, но согласится ли царь сделать ходатайственный приказ?»

Говорит святой: «Конечно сделает, если пожелает быть подражателем Христа и претерпеть унижение вместе с Ним, ради общего всех нас спасения. Он должен иметь в виду, что если Бог, будучи спасителем по природе, не спас, пока не подвергся добровольному унижению, то как человек, будучи по природе спасаемым, может спастись или спасти, не подвергаясь унижению?»

И говорит Феодосий консул: «Надеюсь, при сохранении Богом моей памяти, я скажу ему эту речь, и он согласится».

И при этом поцеловавшись друг с другом, отошли в мире.

Епископ дал авве Максиму несколько посланных ему денег, стихарь [монашеский] и срачицу; и стихарь – тотчас же принес епископ Визийский, но в Регии отняли не только несколько данных ему денег, но и все другое, что у него было от благотворения, вместе с остальными его жалкими вещами и одеждами.

9. После же отшествия их в восьмой день сентября месяца настоящего пятнадцатого индиктиона, консул Павел опять прибыл в Визию к святому Максиму, принеся приказ, имевший такое содержание:

«Повелеваем твоей славности придти в Визию, и привести Максима монаха с великой честью и заботливостью, как по причине [его] старости и немощи, так и потому, что он от предков наш и был он у них в чести. А поместить его в благочестивом монастыре святого Феодора, расположенном в Регии. И придти и известить нас. И мы пошлем к нему от лица нашего двух патрициев, долженствующих передать ему наше желание, любящих нас душевно и любимых нами. И придти и возвестить нас о его прибытии».

Итак, приведя преподобного и поместив его в названном монастыре, этот самый консул отправился известить [царя].

10. И на следующий день выходят к нему Епифаний и Троил патриции с большой свитой и пышностью, а также и Феодосий епископ, и приходят к нему в катехумений церкви этого монастыря. Сделав обычное приветствие, сели, принудив и его сесть. И начав речь к нему, Троил сказал: «Владыка вселенной повелел нам прибыть к тебе и высказать нам волю Его Богохранимого Владычества. Но прежде скажи нам, исполнишь ты приказание царя или не исполнишь?»

Говорит святой: «Владыка, выслушаю, что повелел Его благочестивое Владычество, и [тогда] должным образом отвечу, так как на неизвестное мне какой могу ответ дать?»

Троил настаивал, говоря: «Не допустимо, чтобы мы когда-либо сказали что, если ты прежде не скажешь, исполнишь или не исполнишь приказание царя».

Итак, когда увидал святой, что они еще более настаивают при его медлительности и свирепее смотрят

и грубее отвечают вместе со всеми, бывшими с ними, кои сами гордились мирскими достоинствами, в ответ сказал им: «Если не допускаете сказать рабу вашему угодное владыке нашему и царю, то вот я говорю пред внемлющим Богом, и святыми ангелами, и всеми вами: что ни повелит мне о каком бы то ни было предмете, разрушающемся и погибающем вместе с этим веком, охотно сделаю».

Тогда Троил тотчас встал и сказал: «Помолитесь о мне, я ухожу, ибо этот [человек] ничего не делает».

И так как произошел весьма великий беспорядок и большое замешательство и смятение, то Феодосий епископ сказал им: «Сообщите ему ответ [царя] и узнайте, что станет говорить, так как не благоразумно уйти, ничего не сказав и ничего не услышав».

Епифаний патриций сказал: «Вот что тебе объявляет через нас царь, говоря: так как весь Восток и Запад развращаются, взирая на тебя, и все ради тебя восстают, не желая согласиться с нами в вере, то да побудит тебя Бог вступить в общение с нами принятием изданного нами *Типоса*, и выйдем мы самолично в Халку, и облобызаем тебя, и подадим вам десницу нашу и со всякой честью и славой введем вас в Великую Церковь, и вместе с собой поставим на том месте, где согласно обычаю стоят цари, и сотворим вместе литургию и приобщимся вместе пречистых и животворящих Тайн животворящего Тела и Крови Христа, и объявим тебя отцом нашим, и будет радость не только в царственном и христолюбивом нашем городе, но и во всей вселенной, ибо мы верно знаем, что когда ты вступишь в общение со святым здешним престолом, то все соединятся с нами, ради тебя и твоего учения отторгшиеся от общения с нами».

11. И обратившись к епископу, святой Максим сказал со слезами: «Господин великий, дня судного ожидаем

все, ты знаешь постановленное и решенное над святыми Евангелиями и животворящим крестом и иконой Бога и Спасителя нашего и родившей Его пречистой Богородицы и Приснодевы Марии». И опустив вниз лице свое, епископ тишайшим голосом говорит к нему: «Но что могу сделать, когда другое нечто рассудилось благочестивейшему царю».

И говорит к нему святой: «Но для чего же ты коснулся святых Евангелий и бывшие с тобой, если не в вашей власти было исполнение сказанного? Поистине вся сила неба не заставит меня сделать это, ибо что отвечу не говорю Богу, но моей совести, если бы ради славы человеческой, самой по себе не имеющей никакого существования, [клятвенно] отрекся я от веры, спасающей любящих ее?»

При этих словах встали все, сильнейшая ярость овладела ими, и они подвергли его щипкам, ударам и толчкам, от головы до ног покрыв его многочисленными плевками, от которых распространялась вонь, пока не смочили одежды, в кои он был облечен. Тогда епископ встал и сказал: «Так не должно быть, но выслушать только от него ответ и пойти возвестить доброму владыке нашему, ибо канонические дела производятся другим образом».

12. И едва только убедил их епископ успокоиться, снова воссели, подвергнув его многочисленным оскорблениям и проклятиям. Потом Епифаний с гневом великим и яростью и грубостью говорит: «Скажи, наихудший градопожиратель: считая нас за еретиков, и город наш, и царя, сказал ты эти слова? В действительности мы более тебя христиане, и исповедуем, что Господь наш и Бог имеет и Божественную волю и человеческую волю и разумную душу, и что всякая разумная природа имеет и волю, и действие, так как движение есть свойство жизни и воля есть свойство ума, и волевым знаем Его не по Божеству только, но и по

человечеству, и две воли Его и [два] действия не отрицаем».

В ответ раб Божий сказал: «Если так веруете, то как требуете войти в общение [с вами] под условием [принятия мной] *Типоса*, содержащего [в себе] одно только отрицание того, что вами исповедано?»

И сказал Епифаний: «Ради домостроения сделано это, чтобы не было вреда народу от этих тончайших речений».

В ответ святой сказал: «Напротив, всякий человек освящается чрез точное исповедание веры, а не чрез уничтожение, содержащееся в *Типосе*».

И сказал Троил: «Во дворце я уже сказал тебе, что не уничтожил *Типос*, а повелел молчать, чтобы умирились все мы».

Святой Максим сказал: «Замалчивание слов есть уничтожение слов, ибо чрез пророка говорит Дух Святой: «не суть речи, ни слова, коих звуки не слышатся» (Пс 18:4). Поэтому не выговоренное слово совсем не существует».

И сказал Троил: «Имей в сердце своем, как хочешь, никто тебе не запрещает».

Святой Максим сказал: «Но не ограничил Бог сердцем все спасение, сказав: кто не исповедует Меня пред людьми, и Я не исповедаю его пред Отцем Моим, сущим на небесах (см.: Мф. 10:32). И Божественный апостол учит, говоря: «сердцем веруется в правду, устами же исповедуется во спасение» (Рим 10:10). Итак, если и Бог и пророки Божии и апостолы повелевают исповедовать тайну словами святыми – [тайну] великую и страшную и для всего мира спасительную, то нет нужды каким бы то ни было образом замалчивать проповедующее ее слово, чтобы не было вреда спасению замалчивающих».

Епифаний с гневом сказал: «Подписался ты в книге?¹⁹».

¹⁹ Имеется в виду *Libellus* («книжечка») ученика Максима Анастасия. Книга содержала осуждение *Типоса* 648 г. и была представлена на Ла-теранском соборе.

Святой ответил: «Да, подписался».

Епифаний: «И как осмелился ты подписаться и предать анафеме исповедующих и верующих, как [исповедуют] разумные природы [ангелы] и Кафолическая Церковь? Поверь, по моему суду мы введем тебя в Город, поставим связанного на площади, и приведем актеров и актрис, продажных блудниц и весь народ, чтобы каждый и каждая и ударили и плюнули в лицо твое».

В ответ на это святой Божий сказал: «Как вы сказали, да будет, если мы подвергли анафеме исповедующих [две] природы, из которых Господь есть, и соответственные Ему две природные воли и [два] действия, как Богу истинному по природе и человеку. Прочти, владыка, деяния и книгу, и если найдете, как говорите, – делайте, что хотите, ибо и я, и сорабы мои, и все, кто подписались, подвергли анафеме признающих согласно Арию и Аполлинарию одну волю и одно действие, [и] не исповедующих Господа нашего и Бога по тому и другому, из чего, в чем, и что Он есть по природе разумным, и потому соответственно обеим [природам] обладающим [Божественными и человеческими] волей и действием нашего спасения».

Во время этих слов святого они сказали друг к другу: «Если мы будем вдаваться в рассуждения с ним, останемся без еды и питья, но встанем, позавтракаем и пойдем скажем, что слышали, ибо этот [человек] продал себя сатане». И встав, позавтракали и удалились с гневом, и пошли возвестить царю, в канун Воздвижения Честного и Животворящего Креста.

13. А на следующий день [с рассветом] вышел Феодосий консул к святому Максиму и отнял у него все, что имел, сказав ему от лица царя, что «ты не захотел чести – она и отнята от тебя (Пс. 108:17), иди же туда, где достойным

быть ты сам осудил себя, имея осуждение учеников твоих – который в Месемврии, и который в Перверах, бывшего нотарием блаженной нашей бабки».

Также и патриции Троил и Епифаний, говорили что «конечно, мы приведем и двух учеников твоих, как находящегося в Месемврии так и находящегося в Перверах, и подвергнем и их испытанию, и посмотрим, чем и они кончат. Впрочем, знай, господин авва, что хотя малый вред получим от народных волнений, клянусь Святой Троицей, мы должны будем присоединить к вам и папу, теперь надмевающегося, и всех тамошних болтунов, и остальных твоих учеников, и всех вас сплавим²⁰, каждого в подобающем ему месте, как сплавлен Мартин».

И взяв преподобного, тот же консул Феодосий передал воинам, и они отвели его в Силиврию.

14. И пробыли там два дня. И один из воинов пришел и распустил молву в крепости, говоря, что сюда пришел монах, хулящий Богородицу. Сделали же это для того, чтобы возбудить войска против святого Максима как хулителя Богородицы. Потом, после двух дней, воин, возвратившись, взял его в крепость. И по внушению от Бога, военачальник или местоблюститель военачальника послал близких к нему предводителей отрядов, а также пресвитеров и диаконов и благочестивых знаменохраниителей. Увидав их, святой Божий, встав, сделал им поклон. Они тоже ответили ему [поклоном] и сели, приказав и ему сесть.

И вот один из них, весьма почтенный старец, говорит к нему с великим благоговением: «Отче, так как соблазнили нас некоторые относительно твоей святости, что будто бы ты не называешь Владычицу нашу Пресвятую Деву Богородицей, то заклинаем тебя Святой и Единосущной

²⁰ Вариант: заточим, уморим, уничтожим.

Троицей сказать нам истину, и снять с сердец наших этот соблазн, чтобы нам, несправедливо соблазняющимся, не потерпеть вреда».

Тогда, сделав поклон, святой встал и, протянув руки к нему, со слезами сказал: «Кто Владычицу нашу всехвальную и пресвятую, пречистую и всякой природой разумной чтимую не называет ставшей истинно по природе Матерью Бога, сотворившего небо и землю и море и все, что в них (Исх. 20:11; Пс. 145:6; Деян. 4:24 и др.), тот да будет анафема и катафема от Отца и Сына и Святаго Духа, Единосущной и Пресущной Троицы и всей небесной Силы и лика святых апостолов и пророков, и бесчисленного сонма святых мучеников, и всякого духа, в правде совершенного, ныне и присно и в бесконечные веки веков. Аминь».

Выслушав это с великой пользой для себя и проникшись благоговением к этому человеку, они со слезами молились о нем, говоря: «Бог да укрепит тебя, отче, и да удостоит тебя беспрепятственно совершить путь сей (ср. 2 Тим. 4:7)».

После этих слов собралось много воинов, и выслушав много произнесенных прекрасных слов, все сошедшиеся получили превеликую пользу. Но один из слуг военачальника, увидав, что собирается много войска и назидается и осуждает происходящее, подумав Бог знает что, приказал схватить его и удалить на две мили от крепости, пока не собрались и не пришли охранявшие его до Визии. Впрочем, движимые божественной любовью, клирики прошли пешком две мили, и пришли и приветствовали его. Потом, помолившись о нем, и взяв своими руками, положили на животное и возвратились с миром в места свои, а святой отведен был в прежнее место заключения²¹.

²¹ В Перверы.

15. И еще вот что надо знать: в Регии Троил выставял против аввы Максима такое обвинение, что консилиарий²² Иоанн писал ему о предполагавшемся у них соглашении, и что осуществиться ему тогда воспрепятствовало бесчиние учеников. Но я думаю, что названный консилиарий Иоанн писал не Троилу, а Менне монаху, и он сказал придворным.

16. И после этого привели их в Константинополь, и произвели дело против них, и после того как анафематствовали и проклинали их, во святых Максима и блаженного Анастасия, ученика его, и святейшего папу Мартина, и святого Софрония, патриарха Иерусалимского, и всех православных и единомысленных им, привели и другого блаженного Анастасия, и предав анафемам их и глумлениям, передали начальникам, сказав так:

«О, Максим! Ты, облекшись в темное одеяние всенародных проклятий, предался излюбленной тобой партии геенны и уклонился от канонического послушания соприусущему нам достославному и всеми соуправляющему, честному и священному синклиту²³, тотчас после нас имеющему принять суд [над тобой], и совершить и над тобой соответствующее политическим законам наказание, как определяют они за таковые твои хулы и своеволие».

17. (Тогда судьи, взяв их, вынесли такой приговор против них): «Так как настоящий синод, при содействии всесильного Христа истинного Бога нашего, канонически определил должное против вас, Максим, Анастасий и Анастасий, – ведь долг требовал подвергнуться вам более строгим законным наказаниям в соответственно нечестивым вашим словам и делам, хотя вы в настоящей жизни и не получите

²² Или советник.

²³ Т. е. сенату.

достойного за таковые ваши преступления и хуления [возмездия], предоставив вас для высшего наказания Праведному Судие (ср.: 2 Тим. 4:8) и этим совершая точное исполнение законов, так как вам оставляется жизнь, – повелеваем присутствующему с нами славнейшему епарху тотчас взять вас в свой градоначальнический преторий, бить по спинам жилами, а богохульные языки отрезать изнутри, потом же и послужившие богохульному вашему разуму кривые десницы отсечь мечем, водить вместе с отнятием самых мерзостных членов, обходя двенадцать частей сего владычного города, сослать вас на всегдашнее заточение, и притом под постоянной стражей, в стране Лазикской во все время вашей жизни оплакивать свои богохульные заблуждения с обращением придуманного вами на нас проклятия на ваши головы».

Тогда епарх, взяв их и подвергнув наказанию, отрезал языки и честные руки их, и обведя по всему городу, выслал в Лазику.

ТОГО ЖЕ, ИЖЕ ВО СВЯТЫХ, АВВЫ МАКСИМА К МОНАХУ АНАСТАСИЮ, ЕГО УЧЕНИКУ

Вчера, в восемнадцатый день месяца, который был Преполовением Святой Пятидесятницы¹, патриарх² объявил мне, говоря: «Какой Церкви ты? Византийской, Римской, Антиохийской, Александрийской, Иерусалимской? Вот, все они с подвластными им епархиями объединились между собой. Итак, если ты, как говоришь, принадлежишь к кафолической Церкви, то соединишь, чтобы, вводя в жизнь новый и странный путь, не подвергся тому, чего не ожидаешь».

Я сказал им: «Бог всяческих объявил Кафолической Церковью правое и спасительное исповедание веры в Него, назвав блаженным Петра за то, что он исповедал Его (Мф. 16:18). Впрочем, я хочу узнать условие, на котором состоялось единение всех Церквей, и если это делано хорошо, я нее стану отчуждаться».

Они же сказали: «Хотя мы и не имеем приказаний относительно этого, однако же скажем, чтобы у тебя не осталось совершенно никакого оправдания. Два действия, говорим, по причине различия и одно по причине единения».

Я спросил: «Два, говорите, по причине единения стали единым, или кроме них – другим?».

«Нет, – говорят, – но два – одним, по причине единения».

«Мы потеряли предмет, – я сказал, – придумав себе веру безосновательную и Бога несуществующего. Ведь если в одно сольем два [действия] по причине единения, и опять

¹ Т. е. 18 апреля 658 г.

² Петр Константинопольский (654–666).

на два разделим по причине различия, то ни единства не будет уже, ни двойства действий, так как они всегда будут уничтожаться друг другом и делать бездейственным Того, Кому присущи природно, и совсем несуществующим, ибо что не имеет от природы неотъемлемого и никакому образу изменения не подлежащего движения, то, по учению отцов, лишено всякой сущности как не имеющее существенно характеризующего его действия. Поэтому я не могу говорить, и не научен от святых отцов исповедовать это. И что угодно вам, обладающим властью, делайте».

«Но выслушай, – сказали они, – угодно владыке [царю] и патриарху по приказанию папы Римского предать тебя анафеме за непослушание и подвергнуть определенной ими смерти».

«Пусть исполнится то, что прежде всякого века определено обо мне Богом и принесет Ему славу, определенную прежде всякого века» – им, услышав это, ответил я. И чтобы известить тебя и побудить к усиленным молитвам и прошениям к Богу, я сделал известным тебе то, что было [тогда мне] объявлено, причем прошу тебя, ради той же причины [цели], поставить это в известность господину Фию и тамошним с ним находящимся нашим святым отцам.

Это Анастасий повелел мне переписать и сделать известным вам, чтобы узнав отсюда об этом прении, вы все принесли Господу общую молитву за общую Матерь нашу, то есть Кафолическую Церковь, и за нас недостойных слуг ваших, для укрепления всех и также нас, вместе с нами пребывая в ней, согласно православной вере, благочестно в ней проповеданной святыми отцами. Поистине велик был бы ужас во всем мире, когда она [Церковь] решительно от всех терпит гонение, если бы Своей благодатью обычно не

предоставлял помощи Тот, Кто всегда помогает, оставляя семя благочестия по крайней мере старейшему Риму, подтверждая [тем] свое неложное, к князю апостолов обетование (Мф. 16:18; Лк. 22:32)³.

³ Этот последний абзац дошел до нас только на латыни. Автор его не известен.

*За предоставление иконы преподобного Максима Исповедника
благодарим художников-иконописцев Сергея и Екатерину Красавиных:
<http://sankire.narod.ru/>*

Редактор Б.Х. Рогинский
Оригинал-макет и дизайн Б.Х. Рогинский

"Узкий путь"
e-mail: roginsky.b@gmail.com
Подписано в печать 13.03.2011
Тираж 5000 экз. Заказ Р-654.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Узкий путь